

Отчет о сборе языкового материала
в местах традиционного проживания вепсов
НА ТЕРРИТОРИИ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

В период с 1 по 20 августа 2014 года силами **Общества вепсской культуры** (г. Петрозаводск, Республика Карелия), **Вепсского центра фольклора** (с. Винницы, Подпорожский район Ленинградской области) и **ООО «Издательский дом «Инкери»** (г. Санкт-Петербург) проводилась **КОМПЛЕКСНАЯ ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ «ПО ВЕПСКОЙ ЗЕМЛЕ»**, конечной целью которой была сбор и подготовка лингвистического и этнографического материала для книги «Вепсы. Очерки истории и культуры. Документирование языка», издаваемой по Государственному контракту № ЭА-1008/14 от 27.06.2014 г.

Местом проведения экспедиции являлись населенные пункты Подпорожского и Тихвинского районов Ленинградской области, а также с. Шёлтозеро в Прионежском районе Республики Карелия,

Въезжаем в вепскую деревню Мягозеро Подпорожского района

*Просторы
Корвальского озера.
Настоящая вепсская
глухомань!*

центр Шёлтозерского вепского сельского поселения.

В работе экспедиции приняли участие работники Вепского центра

фольклора (Подпорожский район, рук. Н.И. Ковальская), представители Центра коренных народов Ленинградской области (рук. О.И. Конькова), сотрудники Издательского дома «Инкери». Руководила экспедицией З.И. Строгальщикова – научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН.

В ходе **первого этапа экспедиции** (1 – 5 августа 2014 г.) были посещены и обследованы вепские деревни вокруг поселения Корвала на юге Подпорожского и севере Тихвинского районов (Ковала, Корбеничи, Харагеничи и др.). Основной упор в ходе первого этапа исследований был сделан на поиск языковых информантов среди немногочисленного населения этого субрегиона, запись и фиксацию сохранившихся в памяти этих людей отрывков «народного» вепского языка, его диалектных, характерных только для данной местности особенностей, чтобы добавить определенные штрихи к научной версии происхождения вепского народа, проверить версии об этимологии этнонимов и ойконимов, проследить ход этнических процессов в данном су-

*Наш информант из
деревни Корбеничи –
носитель "народного"
вепского языка*

Древняя бревенчатая часовня в деревне Харгеничи и традиционная вепсская хозяйственная утварь, неизвестно кем оставленная в одном из пустующих домов этой деревни...

брегионе исторического и современного проживания вепсов.

Второй этап экспедиции (10 – 12 августа 2014 года) затронул район вокруг посёлка Шугозеро Тихвинского района Ленинградской области. В ходе нее, помимо фиксирования диалектных особенностей вепсского языка данной местности, были получены данные, позволяющие откорректировать и сделать более четкой общую картину происхождения (этногенеза) вепсов и их локальных групп, собраны свидетельства и сведения о материальной и духовной культуре вепсского народа, живущего обособленными группами в окружении русского населения, об истории и современной жизни вепсов Ленинградской области.

*Беседуем на вепском!
Записываем язык и
документируем его.
Посёлок Шугозеро*

Не меньшее внимание было уделено изучению современного быта и сохранившихся традиционных построек вепских деревень.

И, наконец, **третий этап экспедиции** (17 – 20 августа 2014 г.) осуществлялся по маршруту Подпорожье – Винницы – Вознесенье – Гимрека – Шёлтозеро.

Основным центром исследований стало село Винницы, расположенное в южной части Подпорожского района, на северном берегу реки Оять. Этот населенный пункт в наши дни считается центром расселения вепского народа и, соответственно, центром вепской активности. С 1998 году здесь действует центр

*Вепские бабушки в
национальных костюмах (вверху),
и так готовят знаменитые
вепские пирожки-калитки
(внизу справа).
Село Винницы*

*Поэтесса Валентина
Лебедева пишет свои
стихи только на
вепском!*

по возрождению исконных народных ремесел: ткачество, плетение из бересты, лозы, вышивка, лоскутное шитье. С 1987 года ежегодно, 16 июня, проходит традиционный вепский фольклорный праздник «Древо жизни»,

на который собираются несколько тысяч человек из Ленобласти, Карелии и Вологодчины. На базе Винницкого дома культуры работает Вепский центр фольклора, имеется мини-музей. Участниками экспедиции производилась фиксация живой вепской речи прямо в быту: на автобусной оста-

новке, в магазине и даже на улице!

Следует отметить, что исконно вепскими Винницы были не всегда. Процент живущих здесь вепсов начал повышаться перед войной, в конце 1930-х годов. Такой удивительный феномен

*Ольга Геннадьевна
Спиркова, экскурсовод
музея при Вепском
центре фольклора,
демонстрирует
бытовые сцены из
старой деревенской
жизни*

Мастер-берестяник из Винницы

массовой миграции вепсов в Винницу из периферийных деревень был обусловлен созданием здесь в те годы национального сельсовета. Впрочем, миграция способствовала и развитию ассимиляционных процессов. Значительная часть нынешних винницких вепсов состоит в смешанных браках с местным русским населением. Но эта широкая метисация в определённой мере, как не удивительно, способствует повышенному интересу к вепсскому языку и культуре. Причем именно в смешанных

Дары бесчисленных рек и озер всегда были доминантой вепсского стола. Эта рыба приготовлена специально для нашей экспедиции

*Древняя
деревянная
церковь Дмитрия
Мироточивого в*

деревне Шелейки Подпорожского района относится постройкой к концу XVII столетия. В подклетные помещения храма нога реставратора не ступала по крайней мере с 1986 года. Об этом свидетельствует случайно оставленная здесь бутылка советской "Пепси-колы"...

семьях. Этот феномен, объяснение которому еще предстоит дать, был однозначно зафиксирован участниками экспедиции.

Выехав из Винниц, экспедиция продолжила свой путь по вепским населенным пунктам побережья Онежского озера - Шелейки, Гимрека, Рыбрека, Шёлтозеро. И снова везде документировался вепский деревенский язык, во всем его богатом разнообразии, собирались разнообразные предметы музейного значения – документы, фотографии, предметы старины, которые наглядно демонстрируют, как шел процесс эволюции хозяйственных и семейных традиций в вепской национальной среде.

Участники экспедиции провели многочисленные встречи со старожилами деревни Гимрека и села Шелтозеро. Им удалось собрать

*Танец в исполнении
народного ансамбля
"Армас",
Подпорожский район*

значительный пласт материалов, которые именуются «устной историей» и являются уникальным свидетельством сохранения традиций в культурной жизни вепсов.

Общими результатами полевой работы комплексной историко-этнографической экспедиции «По вепсской земле» стали около 50 старинных семейных фотографий жителей, уникальные языковые (в т.ч. фольклорные – частушки, заговоры, песни, причитания и т.д.) и этнографические материалы, традиционные предметы быта, переданные информантами участникам экспедиции.

**Всего собрано целостных лингвистических единиц - 47,
из них сказок - 4;
заговоров - 3;
песен - 8**

**плачей (причитаний) - 2
пословиц и поговорок - 21
прочих - 10
Собрано образцов речи (разные диалекты) - 17.
Опрошено людей (в общей сложности) - 40. Обследовано населенных пунктов с вепским населением - 25.**

Помимо языковых аспектов, исследованию и фиксации подверглись хозяйственные занятия и промыслы местного населения, его материальная культура,

*Участница фольклорной группы "Нойд"
исполняет специально для нас уникальный
фольклорный обряд - "Плач невесты"*

*Навесной замок-засов -
уникальное творение
старых вепских
мастеров.
Деревня Гимрека
Подпорожского района*

включающая жилищно-поселенческий комплекс – как исторический, так и современный, одежда, пища, данные о семьях, обрядах жизненного и годового циклов, отголоски традиционных верований (например, вера в расігна҃коі - духа домашнего очага, которому в деревне Гимрека и сейчас жертвуют горшок каши/буханку хлеба из сельпо).

Проведение научной экспедиции значительно обогатило фактический материал, который, наряду с другими источниками – данными летописей, исследованиями по истории, археологии, лингвисти-

Вепский дом в селе Шёлтозеро. Предназначался для одной семьи!

ке, топонимике, этнографии, демографическим данным, включая итоги последней переписи, - стал фундаментальной основой для написания З. И. Строгальщиковой книги «Вепсы. Очерки истории и культуры».

Этот серьезный научный труд создан, тем не менее, весьма просто, доходчиво, поэтому можно надеяться, что он сможет усваиваться широкими читательскими массами без особых усилий. Книгу удачно дополняет иллюстративный материал, в том числе собранный во время экспедиции. Автор не просто желал довести новое научное знание до рядовых вепсов, но и на примере важных событий в истории России показать заметное участие в них вепсского народа, тем самым пробудить среди вепсов чувство национальной гордости, повышение национального самосознания, что, в конечном счете, может содействовать укреплению этноса, явится препятствием угрозе его исчезновения этого древнего народа.

Вследствие масштабных социальных преобразований и политических конфликтов XX века, историко-культурное наследие вепсов понесло значительные потери. Сохранение и сбережение этого наследия – важнейшая задача нашего времени. Ведь без него этнокультурная палитра Ленинградской области представляется неполной! Поэтому, экспедиция в вепсский край – лишь один из элементов ежегодной серьезной работы по данному направлению.

***Центр коренных народов Ленинградской области,
Издательский дом "Инкери".***

Ноябрь 2014 года

**Образцы языкового материала, собранного
комплексной историко-этнографической экспедицией
«ПО ВЕПСКОЙ ЗЕМЛЕ»**

ЗАГОВОР СКОТА

*Maspeiitaivhazessai –
kiviinesein,
Maspeiitaivhazessai –
lämiinkesein
Nenile kodin živataižile
tämäks kezaks!*

*От земли и до неба
каменная стена,
От земли и до неба
стена с огнем,
для этих домашних жи-
вотных на данное лето!*

**Записано от Степанова Романа Васильевича,
1939 г.р., д. Корвала**

*ЗАГОВОР ПРОТИВ ЗМЕИ
Vougedtihikiine,
Musttihikiine,
Kird'avtihikiine!
Minasinunkodintedan:
Aidanružus.
Ota ičič hrvuz'
Anda meile ičemii pahuz'
Mö sinun kodin poutam
Tegem tuhkažeks,
Sibirihe selgitam.
Necida mužikad spravitiita!*

*Ти, ти, тихикийне (иносказа-
тельное именование змеи),
Белая тихикийне,
Черная тихикийне,
Пестрая тихикийне!
Я твой дом знаю:
В ветхой изгороди.
Забери свою болезнь,*

Отдай нам нашу злость!
Мы твой дом сожжем,
Превратим в золу,
Отчистим в Сибирь.
Чтобы этого мужчину выле-
чить!

**Записано от Стрелиной Авдотьи Ивановны,
1934 г.р., д. Мягрозеро**

ЛЮБОВНЫЙ ЗАГОВОР

Nouzen mä homentsoo en aigašti
i en mä peste vauktašti,
i en sobida selktašti,
i lähten mä en ukses ukshe
i en lagedha peudhe,
i en käbedan päivoon aule,
i mänen mä pimedan pilven aule
i gluheiha korbhe,
i gluhejas korbes jänišen tesaroomu
i hiren tropoomu.
I putub mileen' sigaa vastha koume ihcad niičiid
I iče ataman,
I kandabad haugood i kandabad tervad,
I ladibad lämbitada necen kilbetin.
I kumardame mä necile atamanale
I augat lämbitagat netida kilbetid
i paremb lämbitagat nitii rabaabožjaa
I heng i sidäämed,
netii rabaabožjaa Mikulaa Annoon tagut,
mi hän žaljoočiiž i tusktuuz
i netid časus i netid aigassaa.

Проснусь я утром не рано,
и не намоюсь добела,
и не оденусь чистенько,
и не выйду я из дверей в двери,
и не в широкое поле
и не под красное солнце,

пойду под темную тучу,
и в глухую чашу,
и в глухой чаще по заячьему перекрестку,
и по мышинной тропе.
И попадут мне навстречу там три-девять девушек,
И сам атаман,
И несут дрова и несут смолу,
И хотят затопить эту баню.
И поклонюсь я этому атаману,
Не топите эту баню,
А лучше растопите у этого раба божьего
И душу и сердце,
У этого раба божьего Николая из-за Анны,
Чтобы он жалел и скучал,
И в этот час и до этого времени.

**Заисано от Кундумова Андрея Дмитриевича,
год рождения назавть отказался, на вид 70 лет, д. Харгеничи**

ЗАГОВОР НА ЗДОРОВЬЕ РЕБЕНКА

«Pühä g'umau-sõtai, sur' g'umau-sõtai, abuta puhuda puhegid'
Ühcankünnenmantaga, ühcankünnenmerentagaommustsar',
mustausar'uumustkivi.
Hauktobnecokivikahtolo, lähtobnečiš kivišpäimustmez',
omanečuumustaumeh'uubulatnijadnolod.
Ambuskendob, puskeskendob nece must mez'.
Pahad prizorad, pahad prikosad vastha tuud'g'an, mödha mänd'gän
sauman taga var'geičg'an, hahkj'd' süumid', vauktj'd' süumid',
kir'g'aižid' süumid', pakuižid' süumid', ičezo melen g'ohtundan, raban
rodimijan maman. Šimotin' pab šibcoihe, lomotin pab lomhu.
Paštāb i kuštāb i kacub, päiväine i kudmaine, nece bladencaine(nimen
nazoud'as) paštaiž i kuštaiž i kacuiž igan kaiken».

«Святой бог-кормилец, великий бог-кормилец, помоги
заговорить.

За девяносто земель, за девяносто морей есть черный
остров, на черном острове есть черный камень.

Расколется этот камень надвое, выйдет из этого камня чер-
ный человек, у этого черного человека булатные стрелы.

Стреляет и колет этот черный человек.
Дурные призоры, дурные прикосы – навстречу идущему,
вслед уходящему, из-за угла караулящему серых глаз, белых
глаз, пестрых глаз, желтых глаз, щемление кладет в щипцы,
ломоту – в мусор.
Как светит, блестит и смотрит солнце и луна, пусть также
и младенец (называют имя) светит, блестит и смотрит во
веки веков»

2-й ЗАГОВОР НА ЗДОРОВЬЕ РЕБЕНКА

Lähton minä uksospäi ukshe, veraišpäi veraihe, lagedaha püüdho,
vihändaha nor'mhe.

Lagedaspüüdos, vihändasnor'mesomkuumeühcadvelled.

Kuumeühcauvel'l'ouomkuumeühcadtaugad.

Puskatas, amptas necen prizoran i prikosan i raffan ugovoran.

I očišai, izbavl'ai raba bladencad neciš prizoraspäi i prikospäi,
raffan ugovoraspäi, hahkiš süumiš, mustiš süumiš, rusttiš süumiš,
vauktjš süumiš, sauman taga var'geičijiš, tul'l'ažnenan, nenan töse
kasttaiš döočkäšt'.

I očišai i izbavl'ai bladencat i tämäs päivaspäi, tämäs časuspäi
tämäks igaks kaikeks. Amin'.

Пойду я из дверей в двери, из калитки в калитку, в чистое
поле, на зеленый луг.

В чистом поле, на зеленом лугу тридевять братьев.

У тридевяти братьев тридевять луков.

Заколют, застрелят этот призор, и прикос, и наговор людской.

И очищаю и избавляю я, раба божья, младенца от этого при-
зора, и прикоса, и людского наговора, от серых глаз, черных
глаз, красных глаз, белых глаз, за углом
караулящих.

И очищай, и избавляй младенца с этого дня, с этого часу на
всю жизнь.

**Записано от Ковалерского Николая Ивановича,
1941 г.р., д. Юксовичи**

СВАДЕБНОЕ ПРИЧИТАНИЕ НЕВЕСТЫ

*Kacaldaksetatoi, mamuško,
Lämbitibaminikülbetižen
Žalanijadminun čikun'kod.
"Tuleškesä minun čikun'ko
I sini lämbitimai külbetižen
I sini kandišimai veduden,
I sindai pezetamai tälehtal,
Satamai sindai verhale randaižele".
"Kacalkacke da žalanijad čikun'kod,
Kuspai ti veduden-se kandišitai,
Kuspai ti haugoižen-se otitai?"
"Mi vet kandišimai veduden,
Mi vet kandišimai tatuškon kül'betižhe-se,
Mi vet otimai pinospai haugoižen,
Tuleške žalani čikun'ko
Parnijaha-se külbetižehe".
"Tiile spasibo, žalanijad čikun'kod!
Tii lämbititai mini külbetižen
Pezetetai verhale randaižele,
Verhile-se rostkuižile,
Verhile-se susedaižile.
Oi, mindai raukoid da goregorkejoid,
Min mä dumain da min mä radoin-se!
Olež mini da vauktale voikjeižele
Sötjän tatoi, mamoin pertižed-ne
Storonigatoiš minun susedaižed.
Ankat voikta mini gorkejale
Krasuidas-se üks-se časuine.*

*Посмотрите отец, матушка,
Истопили мне баенку,
Желанные мои сестрицы,
«Приди ты, моя сестрица,
И тебе истопили баенку,
И тебе наносили водицы,
И тебя намоем сегодняшним вечером,
И проводим тебя на чужой бережок.*

«Посмотрите да желанные сестрицы,
Откуда вы водицу-то носили,
Откуда вы дрова-то взяли?»
« Мы ведь наносили водицы,
Мы ведь наносили в баенку батюшки-то,
Мы ведь взяли из поленницы дрова,
Приходи желанная сестрица,
В парную да баенку».
«Спасибо вам, желанные сестрицы!
Вы истопили мне баенку,
Намоеете для чужого бережка,
К чужим людям,
К чужим соседушкам,
Ой, меня бедную и горе-горькую,
Что я надумала, да что наделала-то,
Мне бы да светлой плачущей,
Дома милого отца да матушки,
Посторонитесь мои соседушки,
дайте поплакать мне горемычной,
покрасоваться-то один да часочек.

**Записано от Никоновой Светланы, 1951 г.р.,
пос. Шугозеро**

2-е ПРИЧИТАНИЕ НЕВЕСТЫ

*Kalliž sinä da kazvatajaižem
(voik tatale)
Poručiba vouktan voudeižen-se jo,
äjou aigalaze, äjou da norelaze.
Kalliž sinä da kazvatajaižem, kut sinä racitid
poručita minun vouktan voudeižen-se, krasnijan da krasoteižen-se?
Kalliž sinä-da kazvatajaižem-se, sinä kazvatid' i libutid'
i kahtenkümnen volhan da voduden-se.
I kut, rodimijad roditel'ad-se, račititai,
poručitai minun vouktan voudeižen-se
verhiže viluihe da armoižihe-ne
äjou aigalaze, äjou da norelaze?
Kut minei linneb kubahtada i likahtada*

ičemi čomas da čogežespei-se,
 i kut minei linneb eragata
 ičemi kal'hes da kanzežespei-se?
 Užeške minä kodiš, kalliz kazvatajaižem,
 eragoitta dei kubahtoitta da siga.
 I fatitetai-se da goditetai-se,
 i käveleškanden ku minä verhiš armožišpei-ni
 verhide viluide armoideke-ni.
 A side tii i fatitoiš i zagoditoiš,
 i oli miilamoi ii antta aigalaze ounu raffaze.
 Kalliz sinä da kazvatajaižem,
 sotei sinä da tatuško,
 ka sugita-ške i tazoita minun šuukuižed hibusuded-ne,
 tä ehtaližuu minun jäl'gmeižuu ehtkoužuu-se,
 jäl'gmeine da kerdeine-se.
 I riputa-ške sinä minun vouktaha voudeizehe-se
 lühüd da jo lenteine-se.
 Minun vouged i voudeine-se om jo tälehtaližuu ehtkoižuu,
 jäl'gmeižen ehteižen krasuiše i likuiše
 tiide i čomas-se čogežes-se,
 i tiide dubovijou da jo laveižuu-se.
 L'ubimijad tii l'ubovnijad podružnikeižed,
 sugitagat-ko i sötatagat i silitagat minun,
 minun šuukuižed hibusuded-ne jo
 tä ehtaližuu da ehkoižuu-se.
 Ka otkat-ko tii nügude minun vouged voudeine-se
 i krasuižeitkat i likuižeitkat,
 kut i minä krasuižetlin i likuižetlin,
 kut i minä sädatelimo ehtaze celin.
 Sugitagat-ko i tazoitagat tii enččikš i edeližikš,
 l'ubimijad tii l'ubovnijad podružnikeižed,
 tönđutei-ko tii prestolnijile praznikeižile-ni,
 kackat-ko tii minun vouged voudeine-se
 Enraciminapästtavauktadvauđašt-se, vol'niadvol'ašt
 Läikkiledajoveduzile,
 Libedile da jo vezilinduižile.
 Lähtas-se jo sulad susedad da randaižele
 Amptas minun vauktan vaudaižen.

*En raci mina pästta ičiin vauktad vaudašt'
Lagedile da jo püudoizile.
Lähhtas minun sulad susedad kündmaha
Künttas minun vauktan vaudaižen
Teravil da jo hö vadnhaizil.
En raci mina pästta ičiin vauktašt vaudašt-se
Vihandile da jo nitüizile.
Lähhtas minun sulad susedad nit'maha
Čaptas minun vauktan vaudaižen
Teravil da jo hö lituukaižil.*

*Не смею я отпустить белую волюшку-то, вольную волюшку
На плещущуюся водицу,
Милым да водным птичкам.
Выйдут милые соседушки да на бережок,
Застрелят мою белую волюшку.
Не смею я отпустить свою белую волюшку
в широкие да поля.
Пойдут мои милые соседушки пахать
И вспашут мою белую волюшку
Острыми да сохами.
Не смею я отпустить свою белую волюшку-то,
На зеленые да луга,
Пойдут мои милые соседушки косить
Срежут мою белую волюшку
Острыми да косами*

**Запись от неизвестной женщины,
на вид 60-65 лет
д. Гимрека**

ПЛАЧ ПО УМЕРШЕМУ РЕБЕНКУ

*Sokol sinä minun poigeine
(muštvoik upponudes vunukas)
Libed sinä minun linduine,
da sokol sinä minun poigeine,
ka spravin' ved minä sindai tänabeizel čomal,
čomal vouktal pejeizel-se ku,*

ka en ved čomaha ves'aha besedeižhe-se,
 ka en ved čomaha ves'aha klubeižehe-se.
 Ka spravl'ain' minä sindai gor'o-gor'ki-se
 i surhe službaha da surile načal'nikoile-ni,
 i verhile viluile randeižile-ni.
 Ka libed linduine, minä ajetin' tiidätoi
 i necil keväduu da se vast käbedaha,
 vast käbedaha da kezeižehe-se,
 i kahtiidatoi, libedad da lindušt-se.
 I kut minei linneb mänetada nece,
 pit'k da käbed kezeine-se ku?
 Ka kut minei linneb unohtada ičein'
 i laskav vonukeine-se?
 I ningoman se čudoižen-se učudi,
 i miččen hän ku radoižen-se radoi?!
 Ka ken händast sinnä käski jügedale,
 i strašnijale da ku surmeižehe-se?
 Ka ei ved embeinu ku minä sanuda
 i jäl'gmäšt hänele ku veihut-se.
 I mišto ala-ske sinä mäne sinnä,
 ka, oi, ved embeinu minä perdutada händast,
 i libedad lindušt, čomad rožašt-se.
 Ka mäni hän ku ičeze glupil' melüzil'-ni
 viluhu vedudehe-se.
 Ka ei ustrašinus hän sinnä kacuhtada,
 ka tegi hän ku minei igähižen i abideižen i dosadeižen-se
 ka igäks keikeks sugudeks, minei, gor'o-gor'kijale.

Милая ты моя птичка,
 и сокол ты мой мальчик (сынок),
 и ведь отправила я тебя сегодняшним хорошим,
 красивым деньком-то,
 и ведь не на хорошую, веселую беседушку,
 и ведь не в красивый, веселый клуб.
 Ведь отправила я тебя, горе-горькая-то,
 и на большую службу да к большим начальникам-то
 и в чужой, холодный край-то.
 Так, милая птичка, я отправила вас

*и этой весной-то да перед теплым,
да перед теплым да летечком-то
и двоих, милые вы птички.
И как мне надо будет провести это
долгое да теплое летечко-то да?
Так как мне будет забыть своего
и ласкового внука-то?
И какое чудушко-то учудил,
и какое он дело-то сделал?!
И кто его туда направил,
на трудную и страшную да на смерть-то?
Так ведь не могла я и сказать-то
и последнего ему словечка-то.
Что не иди-ка ты туда,
так, ой, ведь не могла я вернуть его,
и милую птичку, красивое личико-то.
Так ведь пошел он своим глупым умишком-то
в холодную водичку-то.
И ведь не побоялся он туда посмотреть,
и сделал он мне вечную и обидушку, и досадушку-то
и на веки вечные всей родне, мне, горе-горькой.*

**Записано от Нестерковой Ольги Олеговны,
с. Винницы**

ПЕСНЯ О ЗАЙЦЕ

*Däniž d'oksobdähuttmöto,
Karvaižed-sehangedmöto.
čilahtoitin čiloizehe,
Helahtoitin helaižehe.
Kus-se kulub surdaze,
Kus-se kulub d'ouhtaze.
Kacuhtin kut ülähäks,
ülähän-se päivii paštab.
Kacuhtin kut alahaks,
Alahan-se veneh soudab.
Oi, batii, mamoi, otkad mindei
veneheze,...*

Заяц скачет по ледочку,
Шерсть волочит по снежочку,
Зазвонила в колокольчик
Зазвонила я в звоночек,
Где-то мелют - слышится,
Где-то толкут – слышится
Как я взглянула наверх,
Там солнышко сияет,
Как я взглянула на низ,
Там лодка проплывает,
Ой, мать и отец, возьмите
меня в лодку...

**Записано от Петрова Андрея Львовича,
1929 (!) г.р., с. Шёлтозеро**

ВЕПССКИЕ ПОСЛОВИЦЫ

1. *Mehel om mela kädes, jumal venehen vöb.*
Учеловека весло в руках, но бог лодку гонит.
2. *Rata mehel – ei kehel.*
Работать (нужно) умом, а не языком.
3. *Kut sä minei, tuga i mä sinei.*
Как ты мне, так и я тебе.
4. *Märg ei varaida vet.*
Мокрый воды не боится.
5. *Paremb kacta nagrajan suhu, mi itkejan.*
Лучше смотреть в рот смеющемуся, чем плачущему.
6. *Sinun oza vöi kätkes magadab.*
Твое счастье еще в колыбели спит.
7. *Eläba, ku ruzhu paneba.*
Живут, как в корзину складывают (хозяйство процветает).
8. *Ülemba päd korvad ei kazgoi.*
Выше головы уши не вырастут.
9. *Hüvä om pit'kän pinon edespäi kogota puikuizid.*
Хорошо щепочки собирать перед большой поленницей.
10. *Toižele pähä mel't ei sa antta.*
Другому (человеку) в голову ума не вложишь.
11. *Radnik radab, magadai magadab, ištui ištub, näleidei näleidab.*
Работник работает, спящий спит, сидящий сидит, ноющий

ноет.

12. *Sured sanad ei hougeikei sud.*

Большие слова не расколют рот.

13. *Kaikuččel sigeižel ičeze kärzeine.*

У каждой свинки своя мордочка.

14. *Astud – ka sil'mäd avaida, a su saupta.*

Идешь – так глаза открой, а рот закрой.

15. *Tuhkaspäi jauhod ed tege.*

Из золы муки не сделаешь.

16. *Kacu taivhaze – ka kand regen kukerdab.*

Будешь смотреть на небо, так пень сани перевернет.

17. *Varišale ičeze poigad kaikid parembad.*

Для вороны свои детеныши самые лучшие.

Запись в разных населенных пунктах

СКАЗКА

SAVESINE POIG

Eliba ukoine da akaine. Ei olend heil lapsid. Kerdan ištuba, uk länged kohendab, ak kezerdab da

i sanub:

– Ukoine, a tehkam poig savespäi.

Mäniba savehe, saved kaivoiba, toiba pert'he. Tegiba savesižen prihaižen, paniba päčhe kuivamaha.

Kuverz'-se aigad mäni, poig päčišpäi heikab:

– Tatoi, mamoi, avaikat päčilaud, minä jo kuivin.

Läksi päčišpäi lavale sangerič mugoine.

– Mamoi, minä söda tahtoin, tatoi, minä söda tahtoin!

Andoiba hänele leibäd. Kaiken leibän hän söi, vähä hänele völ-ki söda tahtoib. Söi hän tatan, söi

maman, söi länged, söi kožlin, da i värtnän söi. Läksi hän külähä kävelmaha.

Putuiba hänele vastha mužikad vitakehidenke, hö astuiba nitmaha.

– Mužikad, minä tattain söin, dai mamdain söin, länged söin, kožlin söin, värtnän söin da i teid-ki sön.

I söi puzuvac kaikid. Läksi edemba. Astub, astub, tuliba hänele vastha akad haravoidenke.

– Akad, minä tattain söin, dai mamdain söin, länged söin, kožlin söin,

värtnän söin, mužikoid söin
da i teid-ki sön.

Oi, sinä, bröngvac! Akoid-ki kaikid söi. Astub edemba, tuliba hänele prihad vastha taljankanke.

– Prihad, minä tattain söin, dai mamdain söin, langed söin, kožlin söin, värtnän söin, mužikoid söin, akoid söin da i teid-ki sön.

Kaikid prihoid söi nece savesine poig. Astub, astuib putuiba hänele neiččed vastha.

– Neiččed, minä tattain söin, dai mamdain söin, langed söin, kožlin söin, värtnän söin, mužikoid söin da akoid söin, prihoid söin da i teid-ki sön.

Oti da i kaikid neiččid söi nece bröngvac. Astub edemba, putui hänele bošak vastha.

– Bošak, minä sindai sön. Minä tattain söin, dai mamdain söin, langed söin, kožlin söin, värtnän söin, mužikoid söin, akoid söin, prihoid da neiččid söin.

Bošak sanub savesižele poigale:

– Mäne, seižutade mägen alle, avaida su, a minä joksen mägelpäi i edelez sinei suhu hüppähtan.

Nece savesine poig muga i tegi. Mäni, seižutihe mägen alle, sun avaiži, a bošak mägelpäi joksi

da sarvil vacha kut tučkaidab, nece savesine poig i mureni, savikogoks mäni. Kaik ristitud päzuiba vacaspäi, jäiba henghe.

ГЛИНЯНЫЙ СЫН

Жили старичок и старушка, а детей у них не было. Однажды сидят дома – старик хомут

чинит, жена прядет на прялке и говорит мужу:

– Давай сделаем сына из глины.

Пошли они за глиной, накопили, принесли домой. Сделали глиняного мальчика и поста-

вили сушиться в печку. Через некоторое время сын кричит из печки:

– Отец, мать, откройте заслонку, я уже высох.

Вышел он из печки на пол, этакий толстяк.

– Мать, я есть хочу, отец, я есть хочу.

Дали ему хлеба. Он весь хлеб съел, да мало ему, еще есть хочет.
Тогда съел он отца, съел

мать, съел хомут, съел прялку и даже веретено съел. Вышел на
улицу и пошел по деревне.

Навстречу ему идут мужики с косами сено косить.

– Мужики, я своего отца съел, свою мать съел, хомут съел, прялку
съел, веретено съел и

вас съем. И съел толстопузый их всех. Пошел дальше. Шел, шел,
навстречу попались жен-

щины с граблями.

– Женщины, я своего отца съел, свою мать съел, хомут съел, прял-
ку съел, веретено съел,

мужиков съел и вас съем.

Ах, ты, толстобрюхий! Ведь всех женщин съел. Пошел он дальше,
навстречу парни с гар-

мошкой.

– Парни, я отца съел, и мать съел, хомут съел, прялку съел, вере-
тено съел, мужиков съел,

женщин съел и вас съем.

И съел всех парней этот глиняный сын. Идет дальше, и встреча-
ются ему девушки.

– Девушки, я отца съел, мать съел, хомут съел, прялку съел, вере-
тено съел, мужиков съел,

женщин съел, парней съел и вас съем.

Ведь всех девушек съел этот толстобрюхий. И пошел дальше, а
навстречу баран.

– Баран, я отца съел, мать съел, хомут съел, прялку съел, верете-
но съел, мужиков съел,

женщин съел, парней съел, девушек съел и тебя съем.

Баран и говорит:

– А ты, иди, под гору встань, рот открой, я с горы побегу и прямо
тебе в рот запрыгну.

Этот глиняный парень так и сделал. Пошел, встал по гору, рот
открыл, а баран разбежал-

ся, да как стукнет его рогами в живот. Этот глиняный сын и раз-
бился, только черепки раз-

летелись. Все люди живые из него вышли.

Запись от семейной пары - Тихоновых Ивана Ивановича и

Алевтины Сергеевны - жителей д. Корбеничи

ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНЫЕ ПРИЧИТАНИЯ

*Sokol sinä minun poigeine
(muštvoik upponudes vunukas)
Libed sinä minun linduine,
da sokol sinä minun poigeine,
ka spravin' ved minä sindai tänabeizel čomal,
čomal vouktal pejeizel-se ku,
ka en ved čomaha vesl'aha besedeizhe-se,
ka en ved čomaha vesl'aha klubeizehe-se. Ka spravl'ain' minä sindai
gor'o-gor'ki-se
i surhe službaha da surile načal'nikoile-ni,
i verhile viluile randeizile-ni.
Ka libed linduine, minä ajetin' tiidätoi
i necil keväduu da se vast käbedaha,
vast käbedaha da kezeizehe-se,
i kahtiidatoi, libedad da lindušt-se.
I kut minei linneb mänetada nece,
pit'k da käbed kezeine-se ku?
Ka kut minei linneb unohtada ičein'
i laskav vonukeine-se?
I ningoman se čudoizen-se učudi,
i miččen hän ku radoizen-se radoi?!
Ka ken händast sinnä käski jügedale,
i strašnjale da ku surmeizele-se?
Ka ei ved embeinu ku minä sanuda
i jäl'gmäšt hänele ku veihut-se.
I mišto ala-ske sinä mäne sinnä,
ka, oi, ved embeinu minä perdutada händast,
i libedad lindušt, čomad rožašt-se.
Ka mäni hän ku ičeze glupil' melüzil'-ni
viluhu vedudehe-se.
Ka ei ustrašinus hän sinnä kacuhtada,
ka tegi hän ku minei igähižen i abideizen i dosadeizen-se
ka igäks keikeks sugudeks, minei, gor'o-gor'kijale.
Сокол ты мой мальчик*

(поминальный плач по утонувшему внуку)
Милая ты моя птичка,
и сокол ты мой мальчик (сынок),
и ведь отправила я тебя сегодняшним хорошим, красивым
деньком-то,
и ведь не на хорошую, веселую беседушку,
и ведь не в красивый, веселый клуб.
Ведь отправила я тебя, горе-горькая-то,
и на большую службу да к большим начальникам-то
и в чужой, холодный край-то.
Так, милая птичка, я отправила вас
и этой весной-то да перед теплым,
да перед теплым да летечком-то
и двоих, милые вы птички.
И как мне надо будет провести это
долгое да теплое летечко-то да?
Так как мне будет забыть своего
и ласкового внука-то?
И какое чудушко-то учудил,
и какое он дело-то сделал?!
И кто его туда направил,
на трудную и страшную да на смерть-то?
Так ведь не могла я и сказать-то
и последнего ему словечка-то.
Что не иди-ка ты туда,
так, ой, ведь не могла я вернуть его,
и милую птичку, красивое личико-то.
Так ведь пошел он своим глупым умишком-то
в холодную водичку-то.
И ведь не побоялся он туда посмотреть,
и сделал он мне вечную и обидушку, и досадушку-то
и на веки вечные всей родне, мне, горе-горькой.

ЗАКЛИЧКА ПТИЦ

*Togersi, läversi,
Ken om rugehes?
Pühä ll'-sötäi rugehes.
Lindine, lindine,*

*tule meidänno rugehese
Anda meil leibat!
Тогерси, ляверси,
Кто во ржи?
Святой Илья кормилец во ржи.
Птичка, птичка,
Прилетай к нам в рожь
Творога поесть.
Дай нам хлеба! Потешка
Kus paimoi paimendad?
Soveruzil, poveruzil,
Soveril koveril,
Kaskesuzil kanghaižil
Ojaižil i orgoižil
Papin pautkuzil
Diakan nitüižil
Ponomarin pordhaižil.
Tututan i lututan
Verhou viluu randaižuu
Tatatoi, mamatoi
Aigaline sirotin.*

*Где пастух пасешь?
На соверузах, поверузах,
На кривых краях болот,
На молодых лесных борах,
На ручьях и в низинах,
На поповских косогорах,
На пожнях дьякона, На крылечке пономаря,
Тутутан и лутутан
На чужом холодном берегу,
Без отца и без матери
Ранняя сиротина.*

**Запись от Столяровой Лины (Сталины) Ивановны,
1938 г.р.
д. Гимрека**

